

* * *

Мэри стукнуло тридцать четыре, хотя не дашь.
Мэри снятся дырявые черные паруса.
Она утром берет электричку на бордаж.
В восемнадцать у маленькой Мэри была коса
и кораблик в стеклянной бутылке, точнее, бриг.
Кривобокий, а, впрочем, завидовал весь подъезд.
Мэри чешет по жизни уверенно, напрямик.
Как учили секретные карты — на Южный Крест.

А советчиков рядом, естественно — пруд пруди:
надо замуж, купи себе шубу, роди детей.
А у Мэри не сердце, а старый маяк в груди.
Под ребром примостилась команда морских чертей.
Они пьют и смеются. И серьги у них, и стать.
Презирают, бродяги, удел сухопутных крыс.
Мэри тридцать четыре, но Мэри умеет ждать.
Ее цель — голубой океан и зеленый мыс,
разноцветные скользкие рыбы и белый грот,
ослепительно яркое солнце и лунный блик.
Корабли приплывают к тому, кто их сильно ждет,
даже если они — нереальные корабли.

Мэри мажет на булочку масло — за слоем слой.
Мэри крутит штурвал постоянно — за ночью ночь.
А потом поднимается ветер, зубастый, злой
и похожий на юнгу из книжки. Почти точь-в-точь.

Он слегка задержался, курил вон за тем углом.
Он же просто мальчишка, не может он быть суров.
И бутылка срывается с полки, звеня стеклом,
разлетается брызгами тысячи островов.
Мэри тридцать четыре — худа, как стальной клинок,
хороша, как весна. Телефон обрывает босс.
Мэри в море выходит. За Мэри горит окно.
И маячит в окне то ли Бог, то ли Билли Бонс.

* * *

Есть вероятность, что с возрастом не взрослеют дети, которых забыли позвать домой. Таки идут мимо лавочек с бакалеей, мимо развалов с копеечной хохломой. Тащат гитары, кидают в фонтан монетки, спят на траве, завернувшись в прожженный плед. Девочки в теле, седые десятилетки, юнги — пиратам всегда по пятнадцать лет.

Им не нужны пьедесталы, награды, гранты. Им, собирая цепочку цветочных фраз, делать бы стойку на уличных музыкантов. Что-то знакомое, слышали триста раз. Что-то веселое, как налетевший ветер, где-то в степи между Римом и Бугульмой. Не разбираются в картах большие дети, дети, которых забыли позвать домой. Просто забыли. Есть шанс обрасти квартирой. Но, даже сидя в квартирах, они идут. Проданы идолы, сбиты ориентиры, был конец света, не вспомнить, в каком году.

Только они, по кирпичной дороге к раю, в той же джинсе продолжают нехитрый путь. Но не взрослеют, а значит, не умирают. Как умереть, если небо шепнуло — будь. Глядят бродячих котов, выбирают рейсы, пахнут костром, волшебством и кофейной тьмой. Так и уходят в закат по трамвайным рельсам дети, которых забыли позвать домой. Пыльный асфальт, городских новостроек дженга, сшита реальность стежками плохих портних. Все-таки ты приглядишь к себе хорошенько. Может, приятель, ты тоже один из них.

Ей говорили: «Не плачьте, он не жилец,
раз получился таким, то чего жалеть.
Будут еще ребятишки, возможно, два.
Зря вы, мамаша, — мучения продлевать».
Месяц без отдыха. Силы-то где брала?
Так закипала — как яростная смола.
Не на иконы молилась — на докторов.
Самаритяне тянулись, сдавали кровь.
Кровь была красная-красная, словно кхмер.
Мальчик и плакать как следует не умел.
Мальчик лежал в барокамере и молчал,
прямо почти гуманоид в косых лучах,
прямо небесный посланник за просто так.
«Только бы мне от любви не снесло чердак».
Дома сибирский мужик и сибирский кот.
Ей говорили: «Смотрите, какой урод.
Против природы ты, матушка, не попрешь.
Сын, как бразильская бабочка, синекож.
Нужен кому, если честно, такой хомут?
Долго, голубушка, бабочки не живут.
Век мотылька — два лазоревых взмаха сна».
Ей говорили: «Светило приедет к нам.
Вроде светило, и вроде бы из Москвы».
Ей говорили: «Проси», ей хотелось выть.
Вне своей собственной маленькой головы,
в голос, истошно и ранено, словно выпь.
Время в больнице, застиранное до дыр.
Нет понедельника, пятницы, нет среды.
Есть бесконечная длинная полоса.
То ли бинта, то ли взлетная, как сказать.
Это сейчас — нежным сердцем жуешь стекло.
Это потом: «Ну, вот надо же, повезло.
Боже-ты-господи, магия, колдунство.
Дай вам здоровычка, благ и всего-всего».
Машет сибирскому мужу рукой: «Иду».
Бог остается. Он курит. И он в аду.
Бражник садится на глаженный снег плеча.
Богу чертовски подходит халат врача.